

Творение «Живого слова» как антропологическая инициатива российского образования

Creation of the "Living word" as an anthropological initiative in Russian education

Валуев О.С.

Преподаватель-исследователь в области психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет,
e-mail: o.valuev@yandex.ru

Valuev O.S.

Teacher-researcher in the field of psychological sciences, Russian State University for the Humanities

Аннотация

Культурно-исторически российское образование основывалось на традициях российской культуры и искусства, языкознания и литературоведения, научной педагогики и психологии в логике сохранения и оберегания живого в пространстве человеческого взаимодействия. В статье «живое слово» рассматривается в логике органической психологии и психологической педагогики В.П. Зинченко в её соотношении с педагогической антропологией К.Д. Ушинского и психологической антропологией В.И. Слободчикова. Обосновывается, что направленность живого слова на познание и творческое преобразование мира характеризует человеческое существование и выступает антропологической инициативой современного отечественного образования, трансформирующегося из системы в среду.

Ключевые слова: живое слово, живая форма, личность, диалог, творчество, антропологическая инициатива, педагогическая антропология, психологическая педагогика, образование.

Abstract

Culturally and historically, Russian education was based on the Russian culture and art traditions, linguistics and literature, scientific pedagogy and psychology in the logic of preserving and preserving the living in the human interaction's space. In this article, the "living word" is considered in the logic of organic psychology and psychological pedagogy of V.P. Zinchenko, in its correlation with the pedagogical anthropology of K.D. Ushinsky, and the psychological anthropology of V.I. Slobodchikov. It's proved that the focus of the living word on cognition and creative transformation of the world characterizes human existence and acts as an anthropological initiative of modern domestic education, transforming from a system into an environment.

Keywords: living word, living form, personality, dialogue, creativity, anthropological initiative, pedagogical anthropology, psychological pedagogy, education.

Человек – существо, образующееся и преобразующееся в постоянно изменяющемся мире. Это заставляет, постоянно ориентируясь на культурно-исторические и цивилизационные особенности жизни, пересматривать общественный запрос на трудовую подготовку и соответствующие ему образовательные возможности. Идея принципиальной незавершенности образования, как системы и как личностных изменений каждого человека, предполагает поиск его исследовательского коррелята. В этом поиске становится понятна принципиальная образовательная неполнота, напоминающая владение языком как ресурсом воображения: «У образования есть своя лексика и своя грамматика; есть свои правила, следование которым позволяет говорить на одном языке, своя внутренняя логика,

предписывающая способы понимания мира» [27: 275]. Однако, многообразие языков, как и многообразие форм образования, не отрицает, а утверждает экзистенциальный метаязык и его универсальную форму, раскрывающуюся в метаобразовании [7]. Бытие в форме создает готовность к социокультурным изменениям, связанным с реформированием образования [33]. И нам всем сегодня очень нужно быть в форме! И.А. Ильин рассматривал язык как первое сокровище, которым следует обогащать ребенка, причем для пробуждения самосознания и памяти личности необходим именно родной язык [23]. Отечественная педагогика начинается с преподавания родного языка [45], К.Д. Ушинский называет родное слово удивительным педагогом, который «не только учит многому, но учит и удивительно легко, по какому-то недостижимо облегчающему методу» [46]. Сравнение образования с языком неслучайно: их общее культурно-историческое происхождение раскрывает аксиологическую рамку совершенствования человека, заданную общностью педагогической [40; 41] и психологической [24] антропологии [7]. Именно в этой рамке идет дефрагментация образования и «складывается образовательная непрерывность индивидуальной жизни самопреобразующегося человека» [7: 24].

Дефрагментация образования в транзитивном обществе есть его переход из системы в среду, структурно-функциональное преобразование, связанное с самопреобразованием человека. Дефрагментация неизбежно приведет к выводу из центрирования современной типологии образовательных организаций на родителях, процессе обучения или личности самого ученика в управленческом отношении [31]. Куда? В аксиологическую рамку, которая связана с воспитанием, выведенным волевым образом за пределы российского образования в наши дни. Важно понимать, что сама аксиология высвечивает здесь точки соприкосновения материального и духовного измерений человека и одновременно художественного и физического пространств их взаимодействия [14]. Это очень точно отражается в современных исследованиях феномена голоса, где выделяются разные его измерения (физическое, психоаналитическое, этическое, метафизическое, лингвистическое, политическое, экзистенциальное) [16], а также в известных работах М.М. Бахтина о романном слове и его соотношении с культурной логикой развития самого романа [2]. Пребывание в форме есть пребывание в языке и слове. Здесь важно, что «не язык создает слова, но слова создают язык для своего облачения, для своей реализации» [5: 33]. Язык, в свою очередь, выступает основанием человеческой эволюции благодаря идеальному началу [13].

Общество становится транзитивным в переходные эпохи. Как прекрасно сказано в стихотворении Л.А. Мея «Сумерки» (1858): «О, если б крылья да крылья, // Если бы доля да доля, // Не было б мысли «бессилья», // Не было б слова – «неволя» [30: 57]. В наше сумеречное и всё более погружающееся во мрак время, в моменты символического разрыва с прошлым, его неизбежного отступления как уступания места для будущего, постепенного вытеснения, осуществляется ускорение отдельных сторон жизни, отражающееся в языке как знаковой системе. Так, в революционную эпоху лозунги и перформативы становятся динамическими знаками [34], художественные произведения становятся открытыми для их дописывания [44], завершения читателем и зрителем, все более вовлекаемым в сотворчество, а современные смс-сообщения и технологические возможности Twitter – способами ускорения письма и коммуникации. В этом отношении фигура инициатора становится ключевой в переходные периоды истории. Именно инициатор события, реформы, творческого произведения, оказывающего историческое влияние, выступает лицом этой эпохи, лицом времени, так что можно говорить об антропологической инициативе живого слова как слова о человеке и человеческом [36]. А слово о человеке сегодня самое главное слово.

Еще в дневниковых записях Л.С. Выготский говорил, что слово есть «средство понимать самого себя», причем из этого внутреннего осознания себя возникает разумность и свобода [19: 389]. В этом смысле всё более возрастает влияние завещания Н. Галь о необходимости оберегания речи от мертвого канцелярита [12]. Таким образом, человек, у

которого есть слово, находится в сознании как диалогическом общении с собой [19]. И это есть основание выхода из призрачной, чужой и чуждой личности жизни [29], начало своего собственного бытия, самобытия, самобытной живой жизни человека. И.Э. Клюканов пояснял, что для самопонимания человеку нужно произведение, т.е. выход за свои пределы того, что, оставаясь его собственным, в то же время ему иное. Он пояснял, что для греков это и было «поэзисом», причем общество делается, а культура производится [25]. Разрабатывая модель поэтического творчества и восприятия, Д.А. Леонтьев утверждал понимание поэзии как внутренней деятельности по трансформации жизненного опыта человека, благодаря чему он им овладевает на более высоких уровнях развития (саморазвития) [28]. Полнота своего бытия открывается как свобода живого слова, в которое ещё нужно войти. Вспоминая М. Вертгаймера, В. Келера и самого Л.С. Выготского, можно сказать, что слово есть завершённый гештальт опыта совершённой мысли. Для Выготского мысль, совершённая в слове, уже сцеплена с другими мыслями [11] через внутреннюю форму слова, на которую особое внимание обращал В.П. Зинченко [21]. А.К. Жолковский интересно писал, что само мыслительное сцепление составлено не из мыслей, а из того, что нельзя выразить «... словами непосредственно, а можно // Посредственно, – подробно описав // Людей, поступки, чувства, положения» [18: 53]. Это смысловое сцепление, нити живых смыслов, сохраняющих экзистенциальное напряжение в творческом акте, уходящем из гетерогенности – в гетерофинитность [8]. Поэтому художественные тексты уже несут в себе «стратегические ответы на вопросы, возникающие перед современным человеком» [15: 336]. Это связано со смысловой гетеротопией, разнесенностью живых смыслов в разных бытийных пространствах и измерениях [37], позволяющей личности осознавать себя в отношениях с другими как общность, имеющая единую аксиологическую основу и целевые ориентиры [38]. Вне такой (симбиотической, детско-родительской, формальной, событийной и т.п.) общности невозможно возрастное развитие человеческих существ, их субъективности. На это особое внимание обращается в психологической антропологии [24; 38].

В живых словах, как показывал В.П. Зинченко, есть избыток внутренней формы, благодаря которому устанавливаются их взаимосвязи с образами и действиями. Гетерогенность слова обращена к антропологическому синтезу жизни, к сложным антропокосмическим связям бытия и сознания [21]. С.Н. Булгаков писал, что «слово есть мир, ибо это он себя мыслит и говорит, однако мир не есть... только слово, ибо имеет бытие еще и металогическое, бессловесное. Слово космично в своем естестве, ибо принадлежит не сознанию только, где оно вспыхивает, но бытию, и человек есть мировая арена, микрокосм, ибо в нём и через него звучит мир, потому слово антропокосмично или, скажем точнее, антропологично. И эта антропологическая сила слова и есть реальная основа языка и языков» [5: 35]. Сходные идеи высказывал С.Л. Рубинштейн, подчеркивая, что с помощью человека мир познает себя. В.В. Библихин говорил, что мир остается загадочным в приближении к нему, но «целое присутствует в нашем искании его» [3: 432-433]. Л.С. Выготский выразился ещё смелее: «Осмысленное слово есть микрокосм человеческого сознания» [11: 494]. Живые слова объемлют мир, пульсируя в потоках смыслов. Мы вкладываем душу в слово, чтобы через него, его путем войти в чью-то душу, войти в жизнь и в само существо бытия. Войти в душу, остаться, стать частью другого живого человека, его внутреннего мира, его жизни важнейшая часть нашей судьбы и свободы. М. Хайдеггер говорил, что «человек кажет себя как сущее, которое говорит. Это значит, не что ему присуща возможность голосового озвучания, но что это сущее существует способом раскрытия мира и самого присутствия» [43: 165]. Живые слова вовлекают в межличностные отношения, поддерживаемые общением [22]. Отсюда столь высокая значимость диалога, ориентирующего общение и отношения на другое живое лицо, на совместные формы деятельности и поведения, на мир в целом [26]. А.В. Брушлинский экспериментально доказывал, что диалогическая рефлексия повышает качество и скорость решаемых жизненных задач [4]. Звучащее, произносимое слово, включенное в диалог, обретает новые степени свободы и неопределенности для изменения живого. В этом смысле

живое слово становится функциональным органом смысла, познания мира и человека, творчества новой жизни.

Диалог отличен от того, что называлось Хайдеггером «болтовней» или «толками». П. Вирно сравнивал болтовню с фоновым шумом, включением языка в трудовую сферу в эпоху постфордизма, предлагая для современных офисов табличку «Здесь работают. Говорите!» [10: 94]. В этом изменении осуществляется преобразование жизни в живом слове, макрокосма – в микрокосме. Творить живые слова – значит изменять судьбы. Именно это К.Д. Ушинский считал основанием для выделения родного языка и культуры как живого, открывающего связи человеческой души, тела и духа. В нём раскрываются основания для третьей – синтезирующей – части его педагогической антропологии [42]. Слова создают образовательную среду как её речевое условие, связанное с диалогическим общением и межличностными взаимоотношениями. Это предлагается использовать в психологической педагогике В.П. Зинченко, тесно связанной с его органической психологией [20]. Живое слово как функциональный орган создает взаимные переходы логоса, голоса, движения и жеста [17], благодаря чему создаются основания для ответа на вызов воспитания человеческой души [20]. В этом смысле В.П. Зинченко подчеркивал, что приближение к реальности души осуществляется только благодаря литературе и искусству, что является культурно-исторической традицией отечественного образования. Как хорошо писал Вяч. Полонский, художественная правдивость Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого связана со сложностью и глубиной заглядывания в сознание при оберегании его живости [35]. Развитие традиции обращения к мировой культуре и искусству связано с переходом образования в метаобразование, от системы к среде, из монолога – к диалогу. При всей актуальности инновационного образовательного движения [6] его реальные инициативы пока остаются туманными, поскольку требуют выделения не шумового фона, а говорящей фигуры, фигуры человека, владеющего живым словом. Это движение к экзистенциальному образованию, составляющее суть метаобразования с многообразием его форм и способов осуществления. Человеческая фигура прорисовывается как осмысленное одинокое звучание и требует общественной и духовной полифонии [2].

Живое слово сознат и творит мир. Творчество, как точно писал М. Арнаудов, выступает категорическим императивом личности, изменяющей мир [1]. В живых словах творится иное. Творящее слово возникает в развитии личности как живое в экзистенции; его творящая сила является преобразующей и самопреобразующей в разных измерениях человеческого бытия. Россия со всей мощью её истории, искусства и культуры не может отказаться от сакральности Творения и связанного с ним Живого Слова – слова, творящего жизнь. Это ключевая составляющая российского культурного кода.

В творящем слове встречаются вечность и время. Они вступают в диалог бытия и смысла, открывая новые измерения жизни. Отсюда педагогическая необходимость возвращения к владению тонкостями речевого искусства [39], к поэтическим мастерским [32], событийным общностям и клубам [24], живым дискуссиям, не подменяемым сиртаки спикерских выступлений, инновационным игровым технологиям, действенному мышлению, мифам и символам [20], искусству и культурным практикам, позволяющим менять живое в индивидуальной человеческой жизни [9]. Экзистенциальное образование в транзитивном обществе проводит сквозь историческое время транзитивную культуру, связанную с воплощением живого духа. Поэтому антропологическая инициатива российского образования составляет творение «живого слова» в развитии личности, общества и культуры будущего.

Литература

1. Арнаудов М. Психология литературного творчества / пер. с болг. Д.Д. Николаева. – М. : Прогресс, 1970. – 654 с.
2. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 3. : Теория романа (1930-1961 гг.). – М. : ЯСК, 2012. – 880 с.

3. Бибихин В.В. Мир. Язык философии. – СПб. : Азбука, 2016. – 448 с.
4. Брушлинский А.В. Мышление и общение / А.В. Брушлинский, В.А. Поликарпов. – Самара: Самарский Дом печати, 1999. – 128 с.
5. Булгаков С.Н. Философия Имени. – СПб. : Наука, 2008. – 447 с.
6. Валуев О.С. Бегство к свободе инновационного образования России (к 310-летию Ж.-Ж. Руссо) // Междунар. науч.-практ. конференция «Развитие человека в эпоху цифровизации: ценности, смыслы, действия» (22 сентября 2022 г.) : материалы / Под ред. Р.Х. Гильмеевой, Е.Н. Прокофьевой. – Казань: Институт педагогики, психологии и социальных проблем, 2022. – С. 50-56.
7. Валуев О.С. Образовательная непрерывность жизни в обобщении опыта педагогической и психологической антропологии // Междунар. науч.-практ. конференция «Антропологическое знание как системообразующий фактор профессионального педагогического образования» (18-19 июня 2019 г.) : материалы / Отв. ред. С. И. Беленцов. – Курск: КГУ, 2019. – С. 23-25.
8. Валуев О.С. От гетерогенности к гетерофинитности творчества (90-летию В. П. Зинченко) // VIII Междунар. науч.-практ. конференция «Психология третьего тысячелетия», посвящ. 90-летию со дня рождения В.П. Зинченко и А.М. Мунипова (19-20 апреля 2021 г.) : материалы / Под общ. ред. О.А. Гончарова, Б.Г. Мещерякова. – Дубна: Университет «Дубна», 2021. – С. 64-68.
9. Валуев О.С. Экзистенциальный девиз как культурная практика разрешения личностных проблем и жизненных трудностей // Междунар. науч.-практ. конференция «Практическая психология и новая реальность» (26-27 февраля 2022 г.) : материалы / Гл. ред. М. М. Мишина. – М., 2022. – С. 135-144.
10. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. – 144 с.
11. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М. : АСТ, 2008. – 668 с.
12. Галь Н. Слово живое и мертвое. – М. : Эксмо, 2021. – 352 с.
13. Гальперин П.Я. Лекции по психологии. – М. : АСТ, 2007. – 400 с.
14. Глазунова О.И. Синергетика творчества: опыт анализа художественного текста. – М. : Либроком, 2018. – 344 с.
15. Грякалов А.А. Письмо и событие. Эстетическая топография современности. – СПб. : Наука, 2004. – 484 с.
16. Долар М. Голос и ничего больше / пер. с англ. А. Красовец. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2018. – 384 с.
17. Живое слово: логос – голос – движение – жест: сб. науч. ст. / отв. ред. В.В. Фещенко. – М. : НЛО, 2015. – 480 с.
18. Жолковский А.К. Поэтика за чайным столом и другие разборы. – М. : НЛО, 2014. – 824 с.
19. Записные книжки Л.С. Выготского. Избранное / под общ. ред. Е. Завершневой, Р. ван дер Веера. – М. : Канон⁺, 2018. – 608 с.
20. Зинченко В.П. Психологические основы педагогики (Психолого-педагогические основы построения системы развивающего обучения Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова). – М. : Гардарики, 2002. – 431 с.
21. Зинченко В.П. Психология предметного действия. – М. : ЦГИ, 2018. – 284 с.
22. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений. – СПб. : Питер, 2009. – 576 с.
23. Ильин И.А. О национальном воспитании // Педагогическая публицистика Российского зарубежья / сост. : Е.Г. Осовский, В.П. Киржаева, О.Е. Осовский; МГПИ имени М.Е. Евсевьева. – Саранск, 2006. – С. 526-532.
24. Исаев Е.И. Психология образования человека: становление субъектности в образовательных процессах / Е.И. Исаев, В.И. Слободчиков. – М. : ПСТГУ, 2013. – 432 с.
25. Клюканов И.Э. Сообщение и забытие. – СПб. : ЦГИ, 2018. – 288 с.
26. Колпакова М.Ю. Введение в диалогическую психологию. – М. : Канон⁺, 2013. – 256 с.

27. Константиновский Д.Л. Реальность образования и исследовательские реальности / Д.Л. Константиновский, В.С. Вахштайн, Д.Ю. Куракин. – М. : ИД ВШЭ, 2010. – 320 с.
28. Леонтьев Д.А. Поэтическое творчество и восприятие как овладение опытом: от литературного контекста к жизненному // Поэзия: опыт междисциплинарного анализа / под ред. Г.В. Иванченко, Д.А. Леонтьева, Ю.Б. Орлицкого. – М. : Смысл, 2015. – С. 30-48.
29. Мамардашвили М.К. Возможный человек. – М., 2019. – 495 с.
30. Мей Л.А. Забытые ямбы: лирика / Сост. Н.П. Суховой. – М. : Детская литература, 1984. – 159 с.
31. Млодик И.Ю. Школа и как в ней выжить: взгляд гуманистического психолога. – М. : Генезис, 2015. – 184 с.
32. Оганесян Н.Т. Практикум по психологии творчества. – М., 2007. – 528 с.
33. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета / пер. с исп. М.Н. Голубевой, А.М. Корбута. – М. : ИД ВШЭ, 2010. – 144 с.
34. Петровская Е. Возмущение знака. Культура против трансценденции. – М. : Common place, 2019. – 288 с.
35. Полонский Вяч. Сознание и творчество. – Ленинград: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. – 215 с.
36. Святитель Игнатий (Брянчанинов). Слово о человеке. – СПб., 2021. – 416 с.
37. Скворцов Л.В. Истина самосознания: гетеротопия смысла. – М., 2020. – 496 с.
38. Слободчиков В.И. Психология развития человека: развитие субъективной реальности в онтогенезе / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев. – М., 2013. – 400 с.
39. Сопер П.Л. Основы искусства речи. – Ростов н/Д. : Феникс, 1998. – 448 с.
40. Ушинский К.Д. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 8. : Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Том первый / сост. В. Я. Струминский. – М. : Изд-во АПН, 1950. – 627 с.
41. Ушинский К.Д. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 9. : Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Том второй / сост. В. Я. Струминский. – М. : Изд-во АПН, 1950. – 775 с.
42. Ушинский К.Д. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 10. : Материалы к третьему тому «Педагогической антропологии» / В. Я. Струминский. – М. : Изд-во АПН, 1950. – 667 с.
43. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Биbihина. – М. : Академический Проект, 2013. – 460 с.
44. Эко У. Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике / пер. с ит. А. Шурбелева. – М. : АСТ, 2018. – 512 с.
45. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. – М., 1867. – 472 с.
46. Ушинский К.Д. Родное слово // Журнал Министерства народного просвещения. Неофициальная часть. – СПб., 1861. – Ч. 109. – С. 87-116.